

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ

ЧУВСТВ

Читайте остросюжетные
психологические романы

Ирины **ГРИН**

в серии «Переплетение чувств»:

Нарушенная заповедь

Стать смыслом его жизни

Бог счастливого случая

Эффект прозрачных стен

ИРИНА ГРИН

ЭФФЕКТ
ПРОЗРАЧНЫХ
СТЕН

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г85

Оформление серии *С. Курбатова*

Грин, Ирина.
Г85 Эффект прозрачных стен / Ирина Грин. —
Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Перепле-
тение чувств).

ISBN 978-5-04-097756-7

Бизнесмен Прохор Тарасов обратился в детективное агентство «Кайрос» и попросил найти свою настоящую дочь. Няня Неонила вдруг сообщила, что на самом деле ребенок Тарсовых — ее! Но Прохор присутствовал на родах, и девочка выросла точной копией его жены! Однако экспертиза подтвердила правоту няни...

Ася устроилась к Тарасовым вместо уволенной Неонины, чтобы получать из первоисточника необходимую для расследования информацию. Помимо служебного, у нее был и личный интерес, в котором она даже себе не признавалась...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097756-7

© Грин И., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Кристина толкнула дверь с до блеска отполированной латунной табличкой, украшенной строгим логотипом и надписью с названием фирмы. Приветственно звякнул колокольчик. В офисе стоял насыщенный аромат свежесваренного кофе. К сожалению, это была лишь верхняя нота аромата. В следующую секунду нос уловил среднюю ноту офисного духа — тягучий аромат дешевого фастфуда: гамбургеров, чизбургеров, картошки фри, чипсов, луковых колечек и иже с ними. Но запах этот не мог испортить настроения. Это был ее офис, офис агентства «Кайрос», основанного совсем недавно Кристиной и тремя ее друзьями: Тимуром Молчановым, Иваном Рыбаком и Асей Субботиной. Чуть позже к ним примкнул Федор Лебедев, талантливый программист, способный отыскать в Интернете любую, даже наисекретнейшую информацию. Именно он, а точнее, его стол, постоянно набитый всякой снедью, и служил источником раздражающего запаха. Вопреки расхожему мнению, уничтожая килограммами вредные продукты, Федор был весел, энергичен, иногда даже чересчур, и худ, словно велосипедная рама. Вот и сейчас, едва завидев Кристину, он вскочил и радостно завопил:

— Опаздываете, Кристина Сергеевна!

Кристина поморщилась — ей не нравилось, когда ее называли по отчеству, словно тетку предпенсионного возраста.

— А вот и нет. — Она бросила взгляд на часы на запястье.

— А вот и да! Звонили из «Железобетона», курьер в отпуске, и за отчетом заедет сам Тарасов. — Последние два слова Лебедев произнес той особой интонацией, которой медиумы сообщают внимающим им слушателям о явлении представителя потустороннего мира.

— Ну и что? — Кристина пожала плечами. — Отчет готов, лежит у меня на столе. Какая разница, кто его забрет — мальчик на побегушках или генеральный директор фирмы? Ты бы и сам прекрасно справился.

— Ну нет! Генеральный директор, в отличие от мальчика, должен общаться с генеральными директорами. И потом, вы не слышали, как трепетала в трубке секретарша. Как будто это не генеральный директор, а сам папа римский собирается посетить наш офис.

Кристина хмыкнула — трепет перед начальством, тем более чужим, никогда не входил в ее привычки, — но тем не менее повернула ручку жалюзи, впуская в помещение свет апрельского утра, и приоткрыла окно на проветривание.

Возглавляемый Прохором Тарасовым «Железобетон» был одним из крупнейших среди пока еще немногочисленной армии клиентов детективно-консалтингового агентства «Кайрос». Несмотря на то что слово «детективное» было первым в названии агентства, занималось оно в основном консалтингом. Клиенты, которых отыскивал Тимур, бывший владелец банка, передавали «Кайросу» на аутсорсинг часть задач внешней безопасности предприятия, таких как проверка контрагентов, внешний аудит безопасности предприятия, конкурентная разведка. На бумаге это звучало очень внушительно, но на деле сводилось, как правило, к проверке кандидатов при приеме на работу и функциям «тайного покупателя». Более близко подпускать к контролю за бизнесом сторонних сотрудников, доверять им сведения, являющиеся коммерческой

тайной, компании даже с идеально прозрачной налоговой историей не рисковали.

Если с кандидатами на работу дело обстояло достаточно благополучно, то для «тайного покупателя» в «Кайросе» подходящей кандидатуры не было. В Тимуре, даже переодетом в самый что ни на есть демократичный наряд, невооруженным взглядом угадывался человек из контролирующих органов, поэтому обвешивать, обсчитывать его или грубить ему никто не рисковал. Как, впрочем, и Ивану Рыбаку, здоровяку ростом под два метра с выпирающими из-под пиджака бицепсами, нахамить которому мог бы только полный идиот. Здесь бы идеально подошла Ася Субботина, у которой прямо-таки на лбу написано: «Обманите меня, пожалуйста! Заранее огромное спасибо!» Но после первого опыта детективной работы Ася поняла, что не приемлет не очень честных методов работы частного сыска¹. Мало того, этот опыт поссорил Асю и Ивана, питавших друг к другу особые чувства.

Кристина была уверена — все наладится. Нужно только немного потерпеть, и Ася успокоится, вернется в их ряды, помирится с Иваном. «Кайрос» начнет заниматься детективной деятельностью. Начнет и обязательно выигрывает.

Звякнул колокольчик. Кристина мысленно поправила прическу и обернулась, готовясь увидеть генерального директора «Железобетона». Но в офис вошел Тимур Молчанов. Как всегда собранный и серьезный, он поздоровался с Кристиной, пожал руку Федору и уселся на кожаный диван.

— Ну, что у нас новенького? — спросил он, закидывая ногу на ногу.

— Сейчас «Железобетон» придет за отчетом, — важно сообщил Федор. — Сам генеральный.

¹ Подробнее читайте об этом в романе Ирины Грин «Бог счастливого случая».

— Сам? С чего бы это? Сто лет его не видел. Интересно будет встретиться. Может, пока кофе? — вопрос был адресован Кристине, но Федор радостно заявил:

— Ага! Мне двойной, пожалуйста.

— Будет сделано. — Тимур легко поднялся с дивана и принялся колдовать с кофемашиной.

В это время офисная дверь распахнулась, и в помещение быстрым шагом вошел мужчина лет тридцати пяти — сорока с кожаной папкой под мышкой. Он совсем не был похож на генерального директора солидной фирмы, скорее на курьера. Вот только курьеры не ходят в костюмах *bespoke*¹.

Мгновенно оценив обстановку, он напрямик направился к Тимур, очевидно признав его за начальника. В следующую секунду лицо его озарила улыбка узнавания.

— Михалыч? Приветствую!

— Здравствуй, Прохор! — Молчанов протянул посетителю руку. — Тебя каким ветром занесло в наши края? Курьера уволил?

Шеф «Железобетона» изобразил вежливую улыбку:

— Нет, решил временно узурпировать его место. А если честно, тебя искал. Мы можем где-нибудь поговорить? — Он покосился на дверь переговорной.

— Давай уточним: это касается работы или тебе просто хочется вспомнить годы молодые?

Тарасов задумался, и на мгновение в офисе «Кайроса» воцарилась тишина, нарушаемая надсадным «кашляньем» кофемашины.

— Просто если предаться воспоминаниям, — пришел на помощь старинному приятелю Молчанов, — тут неподалеку есть неплохое кафе. Рабочие же вопросы мы

¹ *Bespoke* (от английского *be spoken* — «заранее оговоренный») — костюм ручной работы, сшитый на заказ по индивидуальным лекалам, учитывающим все анатомические нюансы фигуры клиента.

обсуждаем в переговорной. Кристина Сергеевна — наш генеральный директор, и мы с удовольствием слушаем тебя.

— Кристина Сергеевна? — Гость посмотрел на Кристину так, как будто впервые заметил, что в офисе, кроме него с Тимуром, кто-то находится.

— Можно просто Кристина. — Кристина шагнула вперед и протянула руку.

Тарасов ответил на рукопожатие. Идеально выбритое лицо хранило полную невозмутимость, но в небрежном движении руки читалось явное неодобрение происходящего. Очевидно, генеральный директор «Железобетона» принадлежал к разряду мужчин-шовинистов, отрицающих наличие у женщин логики как таковой.

Колембался Тарасов недолго.

— О'кей! Пусть будет Кристина Сергеевна, — кивнул он.

— Может, кофе? — спросил Тимур, открывая перед гостем дверь переговорной.

— Нет-нет, — замотал тот головой, проходя вперед и осматриваясь.

— Я не понял, а где мой кофе? Двойной! — довольно громким шепотом возмутился Лебедев. — Тимур Михайлович!

— Момент, Федор Андреевич! — излишне виноватым тоном отозвался Молчанов. — Сейчас будет готово!

Пока Молчанов возился с кофемашиной, Кристина прошла за Тарасовым в переговорную.

Тимур считал момент эстетики очень важным. И пусть денег у фирмы пока нет, клиенты не должны об этом догадываться. Большой дубовый стол со скругленными углами, восемь (по четыре с каждой стороны) черных кожаных кресел с хромированными крестовинами и высокими эргономичными спинками, кожаные папки с бумагой для записей, большой экран с изображением логотипа фирмы — все смотрелось добротно и основа-

тельно. Напротив двери — огромная, почти во всю стену, картина, названная автором «Город в тумане». Выполненная сепией, она пришлась по душе всем сотрудникам «Кайроса», хотя, по мнению Кристины, тумана было слишком много. Картина не только украшала стену, но и служила своеобразной шторой, надежно заслоняющей переговорную от любопытных глаз уличных прохожих. Мягкий свет, проникавший в комнату из-за картинной рамы, создавал в помещении доверительную атмосферу. Усевшись в удобное кресло, клиент, сам того не ожидая, проникался ею и порой рассказывал хозяевам офиса чуть больше, чем изначально планировал.

Обычно гости, осмысленно или руководствуясь интуицией, предпочитали сидеть спиной к картине и к свету. Тарасов же, не дожидаясь приглашения, сел к ней лицом.

— А неплохо живут господа аутсорсеры, — сказал он, обращаясь к вошедшему в переговорную Молчанову. — Мне всегда казалось, что аутсорсинг несколько противоречит российскому менталитету.

— И это говорит клиент аутсорсинговой компании, — улыбнулся Тимур и, предвосхищая возражения Тарасова, добавил: — Знаю, знаю, ты у нас с детства по заграницам, поэтому российским менталитетом не испорчен.

— Менталитет — такая штука, которая существует в тебе независимо от страны проживания. И потом, ты же знаешь, большую часть существования «Железобетона» им руководили именно аутсорсеры. Отец лишь создал фирму, разработал бизнес-стратегию, нашел первых покупателей и...

— И?.. — вмешалась в разговор Кристина.

— И умер. Сорок лет. Инфаркт.

— Извините, — пробормотала Кристина, ругая себя за бестактность.

— Это было давно. Мне только исполнилось двенадцать. Отец мечтал, чтобы я пошел по его стопам, и в десять лет отправил учиться в колледж в Швейца-

рию. Потом Оксфорд, стажировка в Штатах — и вот я здесь, — Тарасов развел руки, словно пытаясь загрести ими понравившееся помещение. — Если честно, наемные управляющие были более эффективны, чем я, несмотря на элитное образование.

— Кстати, ты можешь поручить нам, и мы с удовольствием найдем места, в которых ты не проигрываешь в эффективности предыдущим управляющим, — сказал Тимур. — Кристина Сергеевна у нас в этой теме прямо-таки ас.

Он сел за стол напротив гостя. Кристина устроилась рядом, раскрыла папку, достала лист бумаги.

— Я подумаю над твоим предложением. Сейчас меня беспокоит другое...

Тарасов замолчал, Кристина внимательно изучала клеточки на бумажном листе. С улицы доносилась негромкая птичья трель.

— Мне нужен детектив, — после долгого раздумья заявил Тарасов. — Частный детектив. Хороший. Я хочу, чтобы ты занялся. Ну, или подыскал кого-нибудь толкового.

— Детектива? — сказано это было таким тоном, что не знающий Тимура человек решил бы, что частный сыск — его конек. Но Кристина знала Тимура. Не то чтобы прямо досконально, до кончиков ногтей, но достаточно, чтобы понять, что Тимур сомневается. Опыта настоящей детективной деятельности у агентства не было. Да, у них есть Рыбак — бывший опер, с оставшимися со времени службы знакомствами и связями. Есть Федор, способный выудить любую информацию. Но это все. С другой стороны, нужно же им хоть с чего-то начать. Хоть с самого маленького дела... — Давай так, — наконец решился Тимур, — ты изложишь суть, мы займемся, а если нужно будет, подключим дополнительные ресурсы.

— Я надеюсь, понятие конфиденциальности вам не чуждо?

— Можешь не сомневаться, — уверил клиента Тимур. — Все сказанное останется строго между нами. Привлекаемые сотрудники будут знать только то, что им положено. Договор составим с самыми обтекаемыми формулировками.

— Договор? Зачем договор? При чем тут договор? Понимаешь, это дело — из разряда сугубо личных. И я не хочу никаких бумаг. Мне достаточно твоего слова. — Тарасов покосился на Кристину, по-прежнему не отрывавшую глаз от пустого листа, и добавил: — Вашего слова.

— Ну что ж... — Тимур свел ладони домиком и вопросительно посмотрел на клиента.

Тарасов заговорил не сразу. Он посмотрел на свои ладони, перевел взгляд на картину, а потом словно в прорубь нырнул:

— Я хочу, чтобы вы нашли мою дочь.

Кристина почувствовала, как внутренне напрягся сидящий рядом Тимур. «Это не к нам, это в полицию, — захотелось сказать ей, — причем срочно». Но она лишь оторвала взгляд от бумаги и в упор посмотрела на Тарасова:

— Вы не против, если наша беседа будет записываться?

— Нет. — Он покачал головой и перевел взгляд на картину за ее спиной.

Глава 2

От Тарасова-младшего, приступившего к руководству отцовской фирмой после окончания учебы, ожидали всего — от радикальной смены топ-менеджеров до столь же радикальной смены сферы деятельности. Но он был на удивление осмотрителен и даже деликатен. Все его действия были понятны и логичны. Кроме одного — женитьбы на дочери вахтера. Студентка института культуры, будущий библиотекарь, она была умна, начитанна.

На этом плюсы заканчивались. Особой красотой девушка не отличалась. Да, она была высокой и стройной, густые золотисто-рыжие волосы до плеч, выразительные глаза. Но кого сейчас этим удивишь? Вероятно, в тот день, в тот самый час, когда она забежала к отцу на работу, чтобы принести ему обед, судьба решила уравнять шансы.

Воспользовавшись тем, что босс недавно покинул офис, отец девушки усадил ее на свое место, в стеклянную будку, все оборудование которой состояло из удобного высокого кресла и монитора, куда выводились изображения с камер слежения. Он строго-настрого запретил кого-либо пропускать на вверенный ему объект и поспешил на кухню — разогреть еду. Кухня находилась совсем рядом — в каких-то двух метрах от дежурки. Но шум одновременно включенных микроволновки и чайника помешал стражу порядка услышать шум подъезжающей машины.

Тарасов, вернувшийся за какой-то безделицей, был сражен вопиющим несоответствием хрупкости охранницы и величиной ответственности, возложенной на ее плечи. Первым желанием было немедленно расторгнуть договор с фирмой, поставляющей таких неполноценных секьюрити. Но попытка проникнуть в офис заставила Тарасова изменить свое мнение о девушке.

— Вам придется подождать! — заявила она, строго глядя на Тарасова большими зелеными глазами из-под нелепой пушистой челки.

Он не стал кричать, топтать ногами, отстаивая право прохода на запретную территорию. Вызвал по мобильному Крылова, своего зама по общим вопросам, и, скрестив по-наполеоновски руки на груди, с нарочитым спокойствием взирал на девушку. Лишь слегка побледневшие скулы могли выдать внимательному наблюдателю бурю, бушевавшую в его душе. Крылов не заставил себя ждать. Высокий, полный, чем-то напоминавший своего знаменитого однофамильца, он прибежал, громко топая ногами.

— Немедленно откройте! — задыхаясь от быстрой ходьбы, потребовал он.

В ответ девушка лишь слегка покачала головой и посмотрела на Тарасова. В зеленых глазах стоял вызов. В этот момент на шум прибежал настоящий охранник с дурацким пластиковым судком в руках. Увидев бледного от гнева Тарасова, он покраснел, выронил из рук судок, и по проходной поплыл запах домашних котлет с чесноком. Тарасов поморщился — по роду деятельности ему приходилось помногу общаться с людьми, и он предпочитал пищу с нейтральным запахом. Во всяком случае, в рабочее время.

— Лада, открой! — Охранник сокрушенно уставился на испорченный обед.

Девушка с независимым видом нажала на кнопку на пульте управления, и Тарасов наконец-то смог попасть на собственную фирму. Он стремительно шел по коридору к своему кабинету, стараясь опередить чесночный запах, который несся за ним по пятам. Позади пыхтел безнадежно отставший Крылов.

— Прохор Сергеевич? — Секретарша, листавшая косметический каталог и одновременно слушавшая музыку, быстрым движением сдернула наушники и бросила их в открытый ящик стола, следом полетел каталог.

Тарасов на секунду остановился, глядя в глаза, полные подобострастного трепета, и рванул дальше. В кабинете он наконец смог дать выход охватившей его злости: пнул директорское кресло — роскошное, зеленой кожи, с латунными заклепками на латунной же крестовине. Кресло покачнулось и медленно развернулось к окну, словно подсолнух к солнцу. От заклепок разбежались по кабинету солнечные зайчики.

— Ладно тебе, — примиряющим тоном сказал Тарасов, проведя пальцами по подлокотнику. Кресло свое он любил — оно служило еще его отцу, когда тот только начинал свой бизнес. Один из первых покупателей за неимением денег рассчитался мебелью.

— Прохор!.. — В кабинет ввалился Крылов, сел на диван напротив стола молодого шефа и, достав из кармана огромный платок в сине-зеленую клетку, принялся вытирать пот со лба. Лоб, как и платок, был огромным. Наверное, из-за внушительных залысин, а может, из-за того, что Крылов был мужиком очень умным. — Прохор Сергеевич! Все в порядке. Охранник уволен...

В кабинете стоял густой чесночный дух. Тарасову внезапно сделалось жарко. По примеру Крылова он вытащил из стоящей на столе салфетницы одноразовый платок и промокнул со лба непонятно откуда взявшуюся испарину. А потом, совершенно иррационально, потребовал у Крылова принести ему личное дело охранника. Наверное, где-то в клетках подкорки его мозга — считается, что именно там рождаются наши инстинктивные решения, — запах чеснока пробудил генетические воспоминания его деда по материнской линии и тезки, Прохора Калашникова, пешком добравшегося в далеких тридцатых годах в Москву поступать в Плехановский институт. А может, причина была в чем-то другом. Но вечером следующего дня Тарасов и девушка с былинно-песенным именем Лада сидели за столиком его любимого кафе в Елочном переулке.

Кафе (оно так и называлось «Кафе») было маленьким, располагалось в непроходимом месте, но штрудель, настоящий яблочный штрудель по-венски, здесь подавали отменный — сочный, но не промокший, с тончайшим тестом и хрустящей корочкой. К нему полагался шарик мороженого. Теплый золотистый штрудель, слегка припорошенный сахарной пудрой, и холодный упругий шарик мороженого. Почти как у Пушкина — лед и пламень. Жуть как вкусно! А Тарасов, хоть и скрывал это, был отчаянным лакомкой. Наверное, не доел сладкого в детстве — в швейцарском колледже с этим было строго. И пусть маленькому, на двоих, столику, за которым они сидели, очевидно, не раз пришлось бывать участником